

Гайдук И.В.

ООН в 1950 году: от советского бойкота к Корейской войне

В истории Организации Объединенных Наций, воплотившей в себе институциональные формы многосторонней дипломатии, 1950 год отмечен двумя исключительными по своей значимости событиями: бойкотом Советским Союзом Совета Безопасности ООН и участием всемирной организации в войне в Корее на стороне коалиции западных стран. Эти два события тесно взаимосвязаны между собой, ибо не откажись Москва участвовать в заседаниях Совета Безопасности в момент, когда там принималось решение о мерах в связи с вооруженным конфликтом на Корейском полуострове, роль ООН в войне в Корее коренным образом изменилась бы, да и сама война обрела бы совсем иной характер.

Москва объявила о своем бойкоте руководящего органа всемирной организации, ответственного за поддержание мира между государствами в знак протеста против отказа большинства членов Совета Безопасности от признания членства в ООН Китайской Народной Республики (КНР), провозглашенной 1 октября 1949 г., и лишения, в связи с этим, полномочий представителя правительства Гоминдана как одного из постоянных членов Совета Безопасности ООН. Решение об этом советского правительства было доведено до членов Совета Безопасности 13 января 1950 г. постоянным представителем СССР в ООН Я.А. Маликом, который накануне получил директиву советского Политбюро следующего содержания: «Поручить Советскому представителю в Совете Безопасности (т. Малик) заявить в Совете Безопасности, что Советское Правительство поддерживает заявление Центрального Народного Правительства Китайской Народной Республики о незаконности присутствия представителя гоминдановской группы в Совете Безопасности и настаивает на его исключении из Совета Безопасности. В противном случае представитель СССР не будет участвовать в Совете Безопасности»¹. Тем самым Москва объявляла бойкот Совету Безопасности, до тех пор пока в нем находился представитель Гоминдана.

Этот шаг СССР вызвал настоящий шок у большинства в международной организации. Многие из ее членов, как и генеральный секретарь

¹ Протокол Политбюро № 72, 7 января 1950 // Российский Государственный Архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 162. Д. 43. Л. 6.

ООН Трюгве Ли, терялись в догадках, чем руководствовалось советское правительство в своем решении. Ли назвал день 13 января «черным днем» для ООН и в своих мемуарах описывал пессимизм, воцарившийся в стенах ООН. Дело в том, что одновременно с бойкотом Совета Безопасности СССР и его союзники из числа восточноевропейских стран отказались от участия в деятельности и других органов ООН, комитетов и комиссий, что вызывало у представителей западных стран подозрение о решении Кремля совсем покинуть ряды международной организации².

Доступные документы из российских архивов не дают возможности выяснить все мотивы, которыми руководствовалась Москва, принимая решение о бойкоте Совета Безопасности. Тем не менее, некоторые соображения, высказанные советскими лидерами в беседах и переписке со своими зарубежными коллегами, позволяют сделать некоторые выводы на этот счет. Например, встречаясь с руководителем КНР Мао Цзедунем, находившимся в Москве с официальным визитом, в тот же день, когда Малик покинул зал заседаний Совета Безопасности, министр иностранных дел СССР А.Я. Вышинский признал, что отказ Советского Союза от участия в работе ведущего органа международной организации «фактически ведет дело к развалу ООН»³. Отвечая на вопрос Мао, заинтересованы ли американцы и англичане в сохранении организации, Вышинский высказал уверенность в этом, потому что, по его мнению, распад ООН привел бы к разоблачению их агрессивных планов и замыслов и лишил бы их важного инструмента влияния на мировое общественное мнение. Из аргументов Вышинского следует, что советское руководство полностью осознавало возможные последствия своего решения о бойкоте ООН и было готово к наихудшему развитию событий для этой организации.

Требует выяснения вопрос, в какой степени Китай служил инструментом в осуществлении планов Москвы в отношении ООН. Пекин на раннем этапе существования КНР согласовывал каждый свой шаг на международной арене с советским руководством. Иллюстрацией может служить упомянутая беседа между Вышинским и Мао Цзедунем, во время которой советский министр выдвинул предложение китайскому руководителю назначить своего представителя в ООН, с тем чтобы поставить решение китайского вопроса на практический уровень. Мао не проявил большого энтузиазма, выразив сомнение в том, будет ли таким образом найдено решение проблемы в то время, когда большинство членов организации были

² *Trygve Lie*. In the Cause of Peace: Seven Years with the United Nations. N.Y., 1954. P. 253.

³ Запись беседы А.Я. Вышинского с Мао Цзедунем, 13 января 1950 г. //Русско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы. Том V: 1946 — февраль 1950 / Под ред. С.Л. Тихвинского. М.: Памятники исторической мысли, 2005. Книга 2. С. 262.

против членства КНР. В этих условиях, рассуждал Мао, «назначенный нами делегат окажется лишенным легальных полномочий и вынужден будет оставаться в Пекине».

Тем не менее, Москва настаивала на своем. Во время одной из следующих бесед с китайским руководителем этот же вопрос был поднят В.М. Молотовым, являвшимся заместителем Сталина и вторым после него человеком в области советской внешней политики. Молотов опять высказал пожелание, чтобы назначение китайского представителя в ООН произошло в наикратчайшие сроки. Когда Мао сослался на необходимость проконсультироваться с Чжоу Эньлаем по этому вопросу, заместитель Сталина предложил воспользоваться спецсвязью, чтобы ускорить дело⁴. Результатом этой беседы стало письмо Чжоу Эньлая Трюгве Ли, отправленное 19 января, в котором генеральный секретарь ООН информировался о назначении правительством КНР постоянного представителя в ООН. Таким образом, Москве удалось добиться удовлетворения своего пожелания.

Тревога в связи с ситуацией, создавшейся в Организации Объединенных Наций в результате советского бойкота, заставила генерального секретаря организации Трюгве Ли приняться за поиски путей разрешения проблемы. 20 января 1950 г. он заявил на пресс-конференции, что «акции ООН опустились до самого низкого уровня» в результате споров по поводу представительства Китая и что организация «не должна пострадать от этой “политической баталии”»⁵. В ходе беседы с государственным секретарем США Д. Ачесоном и его советниками Ли обсуждал мотивы советского шага и пути поиска решения кризиса в ООН. Он был даже готов немедленно отправиться в Москву, если бы это помогло улучшить ситуацию⁶.

Хотя на момент беседы у него и были некоторые сомнения, принесет ли эта поездка желаемые результаты, по происшествии времени Ли утвердился в желании встретиться с советскими лидерами лицом к лицу и обсудить с ними проблемы ООН, а также другие вопросы отношений Востока и Запада и роль международной организации в ослаблении напряженности в этой сфере. Уже в конце февраля одна шведская газета сообщила, что генеральный секретарь ООН готовится к посреднической миссии и планирует весной посетить в связи с этим некоторые европейские столицы с целью пропаганды идеи конференции великих держав. Эти слухи получили подтверждение в середине апреля, когда о предстоящей поездке Ли в Европу

⁴ Запись беседы В.М. Молотова и А.Я. Вышинского с Мао Цзедунем, 17 января 1950 г. // Там же. С. 266.

⁵ Foreign Relations of the United States 1950. Vol. II: The United Nations; The Western Hemisphere. Washington, 1976. P. 200.

⁶ Memorandum of Meeting in the Office of the Secretary of State, January 21, 1950 // Ibid. P. 205–207.

было объявлено публично с уточнением, что маршрут его визита включает и столицу СССР⁷. Ли подготовил с этой целью так называемую программу мира, состоявшую из десяти пунктов и рассчитанную на двадцать лет. Он собирался пропагандировать эту программу во время своих встреч с мировыми лидерами как средство на пути к всеобщему миру.

Во главе списка мер, предусматриваемых генеральным секретарем ООН стояли периодические заседания Совета Безопасности на высшем уровне, созываемые в соответствии со статьей 28 Устава ООН. Программа также включала создание международного контроля за атомной энергией; контроль за ядерными и обычными вооружениями; соглашение о предоставлении в распоряжение Совета Безопасности вооруженных сил в соответствии со статьей 43 Устава международной организации; проведение в жизнь принципа универсальности членства в ООН; программу оказания технической помощи в развитии стран и другие меры, призванные повысить эффективность деятельности ООН и создать благоприятную атмосферу в ее рядах⁸.

Начиная с февраля, когда эта программа была задумана, она подверглась нескольким переработкам, а затем прошла обсуждение в руководстве Секретариата ООН⁹. Следующим шагом Ли было его решение встретиться с президентом США Г. Трумэн и обсудить с ним предлагаемую программу. Обращаясь к американскому представителю в ООН У. Остину с просьбой об организации такой встречи, Ли заверил, что планирует короткую, пятнадцатиминутную беседу, «с тем, чтобы он мог объяснить президенту свои взгляды на создавшуюся ситуацию в ООН». Сообщая о просьбе Ли своему руководству, Д. Хикерсон, помощник госсекретаря по делам ООН, высказывал мнение, что «риск, связанный со встречей Ли с президентом накануне его поездки в Европу, в ходе которой он может посетить и Москву, уравновешивается выгодами, которые можно будет получить от предоставления Ли такой возможности»¹⁰.

Встреча между Трумэном и Ли состоялась 20 апреля. Во время беседы Ли обратил внимание американского президента, что успех в реализации его программы зависит от решения китайского вопроса. Он высказал подозрение, что Сталин неверно информирован о политике и намерениях Вашингтона и что встреча между Сталиным и Трумэном могла бы суще-

⁷ *Barros J. Trygve Lie and the Cold War: The UN Secretary-General Pursues Peace, 1946—1953. DeKalb (Ill.), 1989. P. 238.*

⁸ Полный текст меморандума Трюгве Ли см. в: *Public Papers of the Secretaries-General of the United Nations. Vol. I: Trygve Lie 1946—1953 /Ed. by A.W. Cordier and W. Foote. N.Y., 1969. P. 296—303.*

⁹ *Barros J. Op. cit. P. 239.*

¹⁰ *Hickerson to James Webb, Undersecretary of State, April 17, 1950 // National Archives of the United States (далее: USNA). RG 59. Lot file 55D429. Box 13.*

ственно изменить ситуацию. Рассуждения генерального секретаря ООН не произвели на Трумэна никакого впечатления. Он напомнил собеседнику, что уже встречался со Сталиным в Потсдаме в 1945 г. Он приехал в Германию с намерением урегулировать проблемы, но полученный опыт заставляет его сомневаться в полезности такого рода встреч. Он был бы рад пригласить Сталина в качестве гостя в США, но сам не собирается никуда ехать, чтобы встретиться с советским лидером. Присутствовавший на встрече Ачесон добавил, что характер трудностей в отношениях между Вашингтоном и Москвой таков, что «повышение уровня переговоров не приведет к каким-либо результатам»¹¹. Из содержания беседы между Трумэном и Ли становится очевидным, что ее едва ли можно было охарактеризовать как достаточно продуктивную.

Результаты встреч Ли в Лондоне и Париже во время его поездки по Европе также оставляли желать лучшего. Так что генеральный секретарь ООН приехал в Москву, не получив поддержки своим предложениям на Западе. Что касается советского руководства, то оно уже было информировано о содержании программы мира, которую привез с собой Ли. Москва получила сведения о ней от своего представителя в ООН Я.А. Малика за две недели до визита Ли в советскую столицу. В сопроводительном письме Малик обращал внимание на тот факт, что в подготовке проекта программы активное участие принимали заместители генерального секретаря ООН Э. Кордье и Э. Феллер, оба американцы. Поэтому неудивительно, считал Малик, что он отражает «в основном позицию, цели и намерения США в отношении вопросов, изложенных в нем»¹². Хотя сам по себе этот факт не сулил ничего хорошего для Ли с точки зрения Кремля, Политбюро приняло решение дать положительный ответ на просьбу Ли о визите в СССР и планировало организовать его прием Сталиным и Молотовым¹³.

Ли прибыл в Москву 11 мая 1950 г. В аэропорту его встречал заместитель министра иностранных дел А.А. Громыко. Западные наблюдатели обращали внимание на отсутствие сообщений о визите в советской прессе, а также на тот факт, что характер приема и условия, предоставленные Ли во время его пребывания в Москве, свидетельствовали о том, что советское руководство явно не придавало визиту большого значения¹⁴. Первая беседа состоялась у Ли с Вышинским на следующий день после приезда. Генсек ООН высказывал свои опасения, что холодная война может перерасти в

¹¹ FRUS 1950. Vol. II. P. 373.

¹² Малик — Вышинскому, 25 апреля 1950 г. // Архив внешней политики РФ (далее: АВП РФ). Ф. 07. Оп. 23. П. 36. Д. 71. Л. 11.

¹³ Вышинский — Сталину с приложением проекта решения Политбюро, б/д. // Там же. Оп. 23-а. П. 4. Д. 37. Лл. 1, 3.

¹⁴ Barros J. Op. cit. P. 242.

горячую и сообщал детали обсуждения в ООН вопроса о представительстве Китая, критикуя американцев, которые, по его словам, «предали его», вмешиваясь в переговоры Ли с другими членами Совета Безопасности¹⁵. Касаясь бойкота СССР, Ли заявил, что он не верит в эффективность бойкотов, которые мешают ему в стремлении найти решение существующих проблем. Затем он поднял вопрос о своем меморандуме, содержащем программу мира, который, по его словам, не является официальным предложением. Это скорее, как он выразился, «мысли вслух», циркулирующие в стенах Секретариата ООН. Упомянув, что он передал меморандум лидерам западных стран, Ли заговорил о недостатке доверия между ними и Москвой и попросил у Вышинского совета, как восстановить атмосферу доверия между великими державами. В связи с этим Вышинский заметил, что все разговоры о недостатке доверия используются для того, чтобы оправдать западную политику холодной войны в отношении СССР и в доказательство привел примеры создания НАТО и других подобных агрессивных пактов и союзов, «участие в которых несовместимо с участием в ООН и не может способствовать укреплению доверия»¹⁶.

Несколькими днями позже генерального секретаря ООН принял Сталин. Беседа, в которой также участвовали Молотов и Вышинский, состоялась вечером 15 мая. Сталин начал ее с того, что информировал гостя, что пригласил Молотова, потому что тот «является специалистом по вопросам ООН»¹⁷, одна из тех странных сталинских ремарок, которые были предназначены больше для собственных подчиненных, нежели для иностранных гостей. Ли, пришедший на прием без сопровождения кого-либо из собственных помощников, пустился в долгие объяснения цели своего визита и существа предлагаемой им программы мира. Он напомнил собеседнику, что никогда не наносил ущерба Советскому Союзу и делал все возможное, чтобы положить конец холодной войне. По его мнению, наиболее важным мероприятием, которое могло бы привести к снижению существующей напряженности на международной арене, является встреча лидеров великих держав. Ссылаясь на свою беседу с Трумэнном, Ли признал, что ответ американского президента не нес в себе практического содержания и что он также не встретил положительной реакции на свои предложения ни в Лондоне, ни в Париже.

Сталин тоже не проявил энтузиазма в отношении идеи о встрече на высоком уровне, высказав мнение, что для успеха такой встречи нужно про-

¹⁵ Из дневника А.Я. Вышинского. Прием Генерального секретаря ООН Трюгве Ли, 12 мая 1950 // АВП РФ. Ф. 07. Оп. 23-а. П. 4. Д. 37. Л. 12.

¹⁶ Там же. Л. 15.

¹⁷ Прием товарищем И.В. Сталиным Генерального секретаря ООН Трюгве Ли, 15 мая 1950 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 353. Л. 23.

делать большую предварительную работу. Ли ухватился за это замечание вождя, чтобы перейти к своей двадцатилетней программе мира, реализация которой и могла бы способствовать, по его мнению, успеху встречи лидеров великих держав. В этот момент в разговор вступил Молотов, который заявил, что программа Ли имеет тенденциозный характер и защищает точку зрения американского правительства. «Можно было бы взять любой пункт меморандума, — бросил он в лицо Ли, — и убедиться в том, что он излагает скорее американскую точку зрения, чем ту точку зрения, которая могла бы служить основой для соглашения»¹⁸. Ли, не ожидавший такого обвинения, попытался в качестве аргумента в свою защиту сослаться на критику меморандума со стороны китайских националистов, американцев и других представителей западного лагеря, но Молотов стал разбирать меморандум по пунктам, чтобы доказать свою правоту. Он завершил свой разбор выводом, что «меморандум Ли — это однобокий документ и в той форме, какую он имеет сейчас, он в значительной мере направлен против Советского Союза и выражает по ряду вопросов американскую точку зрения. Именно такое впечатление остается от меморандума», — заключил Молотов¹⁹.

В ответ на такую критику Ли смог лишь произнести: «Что я могу сказать?» Сталин же, который в этой беседе играл роль «добротного полицейского» и не перебивал Молотова, напомнил Ли, что посредник всегда получает удары с обеих сторон, и выразил надежду, что Ли учтет критику при подготовке окончательного текста своей программы. Вождь заявил, что генеральный секретарь международной организации должен встать на защиту прав ООН, нарушаемых некоторыми ее членами. Когда же Ли, на вопрос Молотова, готовы ли США к компромиссу с СССР, выразил сомнения в этом, Сталин закончил беседу словами: «Тогда ничего не выйдет»²⁰.

Трюгве Ли был явно расстроен результатом этой встречи. Тем не менее, он постарался не показывать вида и, делясь впечатлениями о беседе со своим заместителем К.Е. Зинченко, представлявшим в Секретариате ООН Советский Союз, выразил уверенность в доброжелательном отношении в Кремле к идее встречи на высшем уровне. По его мнению, Сталин даже не возражал против своей поездки с этой целью в Вашингтон. В подтверждение этого Ли ссылался на реплику вождя о том, что подготовка к встрече имеет большее значение, чем вопрос о месте ее проведения²¹. Но несмотря на стремление выдать желаемое за действительное, Ли сознавал, что ви-

¹⁸ Там же. Л. 23.

¹⁹ Там же. Л. 25.

²⁰ Там же. Л. 31.

²¹ Запись беседы К.Е. Зинченко с Трюгве Ли, б/д (16 мая 1950 г.) // АВП РФ. Ф. 07. Оп. 23-а. П. 4. Д. 37. Л. 5–6.

зит в Москву не принес ему ожидаемых результатов. Вскоре же не только его программа мира, но и он сам оказался под огнем критики со стороны Москвы в связи с позицией, занятой им в отношении конфликта на Корейском полуострове.

Война в Корее остается наиболее неоднозначным эпизодом истории ООН. И сегодня не существует единой точки зрения в отношении роли международной организации в этой войне. Американский исследователь П. Кеннеди в своей книге, посвященной ООН, называет Корейскую войну «самой значительной из всех предпринятых ООН операций по восстановлению мира»²² и первым знаменательным событием в истории организации. Автор другой книги по истории ООН И. Луард считает принятие резолюции Совета Безопасности, одобрявшей участие ООН в войне, «главным событием истории ООН». «Впервые, — пишет он в своей работе, — ООН обратилась к членам организации с призывом выступить в защиту государства, подвергшегося нападению. Это был классический пример претворения в жизнь принципа коллективной безопасности»²³.

Российский исследователь Ю.В. Ванин придерживается, однако, противоположной точки зрения. «Уникальность ситуации 1950—1953 гг. в том, — пишет он во вступлении к своему исследованию о роли ООН в Корейской войне, — что ООН не только стала основным инструментом превращения локального внутреннего конфликта в международный, но и сама оказалась в полной мере втянутой в Корейскую войну. ООН — воюющая сторона! Такого не было за всю историю существования этой организации, призванной как раз предотвращать войны, устранять угрозу разрастания конфликтов, обеспечивать мир, безопасность и суверенные права народов»²⁴. Этот критический подход к роли ООН очевиден на протяжении всей его книги.

Вызывает удивление, что несмотря на доступность значительного количества документов, связанных с войной в Корее, включая и документы из российских архивов, которые были рассекречены в последние годы и которые ясно свидетельствуют, что именно северокорейский режим начал военные действия, нарушив границу по 38-й параллели, разделившую страну после окончания Второй мировой войны на две части, некоторые российские историки продолжают сомневаться в том, что послужило началом войны²⁵. Они ссылаются на растущее число провокаций, имевших

²² *Kennedy P.* The Parliament of Man: The United Nations and the Quest for World Government. L., 2006. P. 56.

²³ *Luard E. A.* History of the United Nations. Vol. 1: The Years of Western Domination, 1945–1955. L., 1982. P. 242.

²⁴ *Ванин Ю.В.* Корейская война (1950–1953) и ООН. М., 2006. С. 6.

²⁵ *Торкунов А.В.* Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953. М., 2000. Предисловие.

место на границе между Севером и Югом после вывода с Корейского полуострова советских и американских оккупационных войск в 1948—1949 гг. Лидеры противостоявших друг другу режимов в обеих частях Кореи не переставали выступать с призывами к объединению страны даже и при помощи оружия и разрабатывать планы вторжения. В результате этого, напряженность вдоль границы между Севером и Югом была такова, что любой инцидент мог вызвать полномасштабные военные действия. Именно это и случилось, как пишет Ванин, 25 июня 1950 г., когда северокорейская армия отразила вторжение вооруженного контингента Южной Кореи и продолжила его преследование на южнокорейской территории²⁶.

Даже если принять эту версию событий, трудно не считаться с тем фактом, что к тому времени Корейская Народная Армия (КНА) уже была полностью подготовлена к вторжению, с учетом в том числе и той помощи, которую оказывал северокорейскому режиму Советский Союз. Более того, во время переговоров в Москве с лидером Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) Ким Ир Сенем в апреле 1950 г. Сталин дал окончательное добро на вторжение и тем самым отказался от своих прежних доводов, основывавшихся на неверии в возможность объединения Кореи вооруженным путем под властью коммунистического режима²⁷. Даже принимая во внимание тот факт, что советский лидер сделал согласие Пекина одним из условий начала вторжения, сталинское одобрение — это то, чего добивался Ким Ир Сен для осуществления своих планов объединения Кореи.

Как только сообщение о начале военных действий на Корейском полуострове достигло Вашингтона, администрация Трумэна решила обратиться в Совет Безопасности ООН с целью получения поддержки мирового сообщества своим действиям по отражению того, что американские руководители считали агрессией и открытым нарушением Устава ООН. Государственный департамент США известил генерального секретаря ООН Трюгве Ли о северокорейском вторжении и потребовал срочного созыва Совета Безопасности ООН. По мнению американского историка Р. Байснера, госсекретарь США Д. Ачесон стремился получить санкцию ООН действиям, которые США предприняли бы в любом случае. Однако с поддержкой международной организации эти действия приобретали характер многосторонней операции, что было встречено с одобрением американскими союзниками²⁸.

²⁶ Ванин Ю. В. Указ. соч. С. 76. В защиту этой точки зрения Ванин ссылается на воспоминания советских корейцев, которые занимали влиятельные позиции в северокорейских руководящих структурах накануне войны.

²⁷ Торкунов А. В. Указ. соч. С. 58.

²⁸ Beisner R. Dean Acheson: A Life in the Cold War. Oxford, 2006. P. 339.

Но если причины обращения США в ООН с целью отражения агрессии Северной Кореи против Юга достаточно очевидны, то продолжавшийся бойкот Советским Союзом Совета Безопасности даже после того, как там была принята первая резолюция, обвинявшая КНДР в нарушении мира, вызывает недоумение. В своих мемуарах А.А. Громько, в то время заместитель министра иностранных дел СССР, пишет, что он безуспешно пытался убедить Сталина разрешить советскому представителю вернуться в Совет Безопасности с тем, чтобы предотвратить принятие Советом решений против Северной Кореи²⁹. 27 июня, как раз накануне нового заседания, на котором была принята вторая резолюция, одобрявшая военные меры по отражению агрессии, генеральный секретарь ООН Ли вместе с заместителем американского представителя в Совете Безопасности Ч. Россом встретили Малика за обедом и между ними состоялся разговор по поводу событий на Корейском полуострове. Малик критиковал резолюцию от 25 июня, называя ее односторонней и незаконной ввиду отсутствия на заседании Совета Безопасности двух постоянных членов — СССР и народного Китая. Тогда Ли пригласил Малика принять участие во втором заседании, которое должно было начаться сразу после обеда. Если бы советский дипломат согласился, неизвестно, какова была бы история этого конфликта, так как Малик наверняка бы наложил вето на любое решение, не соответствующее интересам Москвы. Как вспоминает Росс, Ли мог испортить все дело, и у американца было сильное желание «дать ему тумака»³⁰. Но, как бы там ни было, Малик отказался и тем самым спас для американцев задуманную ими операцию по отражению агрессии в Корее под эгидой ООН.

Упорство Москвы удивляло не только Запад. Союзники СССР тоже задавались вопросом о целесообразности продолжения политики бойкота в условиях конфликта в Корее. Президент Чехословакии К. Готвальд, например, выражал свои сомнения по этому вопросу во время беседы с советским послом, содержание которой очевидно было передано Сталину. Как ни странно, прошел целый месяц, прежде чем советский диктатор направил разъяснения по существу высказанных Готвальдом замечаний. Это произошло уже после того, как СССР вернулся в Совет Безопасности, чтобы потом уже никогда не покидать его. Разъяснения Сталина оставляют впечатление достаточно неубедительной попытки оправдать политику Москвы в ООН в решающие месяцы развития конфликта. Среди причин продолжения бойкота советский вождь называет уже упоминавшееся им ранее стремление отстоять интересы КНР в международной организации, а также желание «развязать руки американскому правительству и дать ему

²⁹ Громько А.А. Памятное. В 2-х кн. М., 1988. Кн. 1. С. 206–207.

³⁰ Beichman A. The “Other” State Department: The United States Mission to the United Nations — Its Role in the Making of Foreign Policy. N.Y., 1967. P. 185.

возможность, используя большинство в Совете Безопасности, — совершить новые глупости с тем, чтобы общественное мнение могло разглядеть подлинное лицо американского правительства»³¹. В результате своей политики, как полагал Сталин, США оказались вовлеченными в вооруженный конфликт в Корее и тем самым подорвали свой военный и моральный престиж.

Среди соображений, легших в основу советской позиции в июне-июле 1950 г., Сталин также называет необходимость отвлечения внимания американцев от Европы, ослабление США, с тем чтобы предотвратить опасность развязывания третьей мировой войны и стимулирование революционно-освободительных процессов в Азии. Ввиду всех этих соображений, делал вывод Сталин, мы не можем сказать, что коммунистам не надо было покидать Совет Безопасности. «Мы можем еще раз уйти из Совета Безопасности и еще раз вернуться, в зависимости от международной обстановки»³². Таким образом, советский вождь оправдывал то, что многими рассматривалось как серьезный просчет Москвы³³.

Впрочем, некоторые историки на Западе видят в позиции, занятой Москвой летом 1950 г., несколько большее, чем просто ошибку. Например, автор дипломатической истории корейской войны У. Стюк высказывает следующее соображение: «В атмосфере неопределенности, созданной вторжением Северной Кореи, Сталин принял решение против возвращения СССР в Совет Безопасности с целью блокирования усилий США по вовлечению этого органа в конфликт на стороне РК (Республики Корея, Южной Кореи — И.Г.). Представляется возможным, что он даже хотел, чтобы американская интервенция в Корее состоялась под эгидой ООН, с тем чтобы снизить вероятность официального объявления войны Вашингтоном, что в будущем могло привести к вступлению в силу советско-китайского договора (о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанного в феврале 1950 г. — И.Г.) и прямому участию СССР в войне»³⁴. Иными словами, Сталин видел в участии ООН в корейской войне своего рода гарантию против прямого советско-американского столкновения.

Распространялось ли предвидение Сталина так далеко, остается в разряде предположений. Но не вызывает сомнения, что ООН в войне в Корее сыграла роль буфера между двумя сверхдержавами. Не только Кремль должен был считаться с тем, что в этом вопросе он имеет дело не с одними

³¹ Ледовский А.М. Сталин, Мао Цзедун и корейская война 1950—1953 гг. // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 96–97.

³² Там же. С. 97.

³³ Ю.В. Ванин, например, считает продолжение Москвой бойкота Совета Безопасности в условиях военных действий в Корее «грубой ошибкой советской внешней политики». См.: Ванин Ю.В. Указ. соч. С. 118.

³⁴ Stueck W. The Korean War: An International History. Princeton, 1995. P. 44.

США, а с целым международным сообществом, но и Вашингтону приходилось учитывать мнение союзников по коалиции, большая часть которых была настроена в пользу скорейшего урегулирования конфликта и чья позиция не раз служила сдерживающей силой против временами не в меру воинственного настроения американской администрации. Уже в первые дни конфликта, например, британские и индийские дипломаты предприняли попытку договориться в Москве о восстановлении *status quo ante* в Корее.³⁵

Несмотря на то, что Вашингтон отверг мирные инициативы Лондона и Дели, американская администрация все-таки приняла во внимание рекомендации своего посла в Москве Алана Кирка «избегать формального отождествления СССР с Северной Кореей, чтобы облегчить Советам возможность дистанцироваться от северных корейцев» в случае, если наступление последних будет успешно отражено³⁶. Как пишет Р. Байснер в своей биографии Ачесона, «держа дверь приоткрытой для возможного отступления Сталина (а потом и Мао), Вашингтон никогда не ставил под сомнение сталинские лживые опровержения о присутствии советских военных в Корее или утверждения Мао, что только китайские “добровольцы” принимают участие в войне»³⁷. Президент Трумэн в своей памятной записке, направленной в Москву 27 июня, выразил желание Вашингтона избежать военной конфронтации между двумя великими державами в связи с конфликтом в Корее и предотвратить его распространение на другие регионы. Памятная записка не содержала каких-либо обвинений в адрес СССР в связи с нападением Северной Кореи и призывала Кремль к оказанию добрых услуг в убеждении Пхеньяна прекратить агрессию³⁸.

Москва, однако, оставалась приверженной позиции, сформулированной в заявлении А.А. Громыко от 4 июля 1950 г. В этом заявлении СССР не признавал законность резолюций Совета Безопасности ООН по Корее, обвинял США в агрессии и настаивал на той точке зрения, что конфликт в Корее является гражданской войной и, стало быть, внутренним делом государства, вмешательство в которое запрещено ООН ее уставом. В качестве аналогии заявление приводило пример гражданской войны между Севером и Югом в США в XIX в.³⁹

³⁵ О роли Великобритании в этой и других мирных инициативах в годы корейской войны см.: *Docrill M.L.* The Foreign Office, Anglo-American Relations and the Korean War, June 1950—June 1951 // *International Affairs*. Vol. 62. N 3 (Summer, 1986). P. 459—476.

³⁶ Kirk to the Secretary of State, June 26, 1950 // *Foreign Relations of the United States 1950*. Vol. VII: Korea. Washington, 1976. P. 169

³⁷ *Beisner R.* Op. cit. P. 336.

³⁸ Заявление Г. Трумэна опубликовано в: *U.S. Department of State. United States Policy in the Korean Crisis*. Washington, 1950. P. 63.

³⁹ Известия. 1950. 4 июля.

Но наиболее острой критике в советском заявлении была подвергнута Организация Объединенных Наций и ее генеральный секретарь. В заявлении утверждалось, что американское давление превратило ООН в «своего рода филиал Государственного Департамента США», послушное орудие американских правящих кругов. По мнению Москвы, прежде чем принимать резолюцию, санкционировавшую вмешательство ООН в конфликт в Корее, Совет Безопасности и генеральный секретарь организации должны были предпринять попытку примирения воюющих сторон. Такой попытки сделано не было. Вместо этого, генеральный секретарь ООН Трюгве Ли «услужливо помогал грубому нарушению Устава со стороны правительства Соединенных Штатов и других членов Совета Безопасности». Тем самым, гласило заявление, генеральный секретарь продемонстрировал, что он озабочен не столько укреплением ООН, сколько оказанием помощи правящим кругам США в их агрессивных планах в отношении Кореи⁴⁰. Эта критика знаменовала для Ли, отказавшегося от своей прежней политики посредничества между Востоком и Западом и занявшего сторону США в корейском вопросе, окончательную утрату доверия со стороны советских руководителей.

Несмотря на критику ООН и нерешенность вопроса о представительстве Китая в организации, советское руководство посчитало возможным прекратить бойкот Совета Безопасности и возобновить участие в его работе, с тем чтобы, по словам Сталина из его разъяснений Готтвальду, «продолжить разоблачение агрессивной политики американского правительства и помешать ему прикрывать свою агрессию флагом Совета Безопасности»⁴¹. Москва приурочила это решение к моменту, когда советский представитель должен был, в силу ежемесячной ротации, занять место председателя в этом руководящем органе ООН. 27 июля Малик информировал Трюгве Ли, что он вернется в зал заседаний Совбеза через пять дней⁴². В своем следующем послании на имя генерального секретаря ООН он предлагал включить в повестку дня первого заседания под своим председательством пункты о признании полномочий представителя КНР и мирном урегулировании корейского вопроса⁴³.

Как только 1 августа советский представитель занял председательское кресло за столом в зале заседаний Совета Безопасности и открыл 480-е заседание, он сделал попытку переключить внимание Совета с вопроса конфликта в Корее на проблему китайского представительства в ООН. Малик

⁴⁰ Там же. См. также: Внешняя политика Советского Союза 1950 год. М., 1953. С. 199.

⁴¹ Ледовский А.М. Указ. соч. С. 97.

⁴² Malik to the Secretary General, July 27, 1950 // United Nations, Official Document System (ODS), S/1643. <http://documents.un.org/>

⁴³ Malik to the Secretary General, July 31, 1950 // Ibid., S/1655.

подверг критике позицию ООН в Корее и, по выражению одного из исследователей, «использовал весь набор издевок и откровенных провокаций», принимая в расчет то обстоятельство, что это заседание, как и последующие, транслировалось вживую по радио и телевидению на всей территории США⁴⁴. Британский представитель Г. Джебб так описывал советскую тактику в своих мемуарах: «Было ясно, что одним из главных приемов Малика являлось выдвигание повестки дня, с которой никто (из остальных членов СБ — *И.Г.*) согласиться не мог. Затем в ходе дебатов по вопросу, следует ли принять эту повестку или нет, он произносил часовые речи, разбирая существо каждого нового предлагаемого им пункта. Поскольку все речи переводились последовательно на два языка, это означало, что мы должны были заканчивать заседание, так и не дойдя до самого голосования по повестке. Таким образом, Малику почти удалось превратить Совет Безопасности в посмешище»⁴⁵.

Вероятно, намерением Сталина, когда он давал указание прекратить бойкот, и было лишение руководящего органа ООН возможности принимать решения, противоречившие интересам Советского Союза и его союзника КНДР, армия которого вела успешное наступление на юге Корейского полуострова. Резолюции советского Политбюро, принятые в этот период, со всей очевидностью свидетельствуют о стремлении Москвы отвлечь внимание мирового сообщества от ситуации на фронтах Корейской войны, наводнив Совет Безопасности петициями, призывами, обращениями разного рода организаций с требованием мирного урегулирования конфликта. Политбюро, например, поручало министерству иностранных дел СССР «рекомендовать от имени Советского Правительства правительствам Польши, Чехословакии, Китайской Народной Республики, Румынии, Болгарии, Венгрии, Албании, Монгольской Народной Республики направить в адрес Председателя Совета Безопасности и Генерального секретаря ООН телеграммы» в поддержку советской позиции. Эти телеграммы должны быть направлены в разное время, с тем, очевидно, чтобы не создавать впечатление скоординированной акции, и Политбюро определяло порядок направления телеграмм от упомянутых стран. Кроме того, Кремль давал указание Вышинскому и председателю Внешнеполитической комиссии ЦК партии В. Григоряну организовать обращение в ООН от политических, культурных, религиозных и иных общественных организаций разных стран с осуждением американской агрессии в Корее и «варварских бомбардировок» авиацией США мирного корейского населения⁴⁶.

⁴⁴ *Bosco D.L.* Five to Rule Them All: the UN Security Council and the Making of the Modern World. Oxford, 2009. P. 58.

⁴⁵ *Jebb G.* The Memoirs of Lord Gladwyn. N.Y., 1972. P. 235.

⁴⁶ Протокол Политбюро № 77/39, 15 августа 1950 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 44. Л. 30–31.

Еще одной целью тактики Москвы в ООН после возвращения в Совет Безопасности было стремление внести раскол в ряды западной коалиции и посеять недоверие к ней со стороны нейтральных стран⁴⁷. Сомнения в правильности позиции Вашингтона существовали среди западных союзников США и представителей таких нейтральных государств, как Индия и Швеция, с самого начала корейской кампании. Уже в период обсуждения первой резолюции по Корее 25 июня 1950 г. некоторые представители в ООН высказывали сомнения в отношении американских оценок конфликта и формулировок, предлагаемых американской администрацией. Как сообщал в Вашингтон Ч. Нойес, советник госдепартамента по делам ООН, ссылаясь на свои встречи и беседы с делегатами других стран, среди последних наблюдалось отрицательное отношение к использованию выражения «акт агрессии». «Существовали также значительные колебания по поводу вопроса, какая из сторон несет ответственность за вторжение», — докладывал американский дипломат⁴⁸. Представители Норвегии и Египта, например, утверждали, что не обладают достаточной информацией, чтобы возлагать ответственность на одну из сторон. Более того, в унисон с мнением Москвы, они даже утверждали, что конфликт носит характер столкновения между самими корейцами и потому подпадает под квалификацию гражданской войны.

По мере развития конфликта и продолжающегося отступления войск западной коалиции перед лицом успешных действий северокорейской армии, росла также критика позиции США и по вопросу представительства Китая. Даже ближайшие союзники Вашингтона англичане были обеспокоены бескомпромиссностью администрации США в данном вопросе, что, по их мнению, вело к дальнейшему отчуждению КНР, которое могло закончиться открытым вовлечением этой страны в военные действия в Корее. В конце августа в своем докладе британскому правительству по вопросам политики Великобритании на Дальнем Востоке министр иностранных дел Соединенного Королевства Э. Бевин доказывал, что американская политика в отношении Китая лишена всякого смысла. По его мнению, такая позиция может нанести вред интересам Запада в регионе и привести к ухудшению отношений с местными режимами. Бевин ставил в известность своих коллег по правительству, что он уже информировал американскую сторону о том, что если на Генеральной Ассамблее или в Совете Безопасности ООН будет поставлен вопрос о приеме КНР в члены международной организации вне связи с войной в Корее, Великобритания поддержит положительное его решение⁴⁹.

⁴⁷ *Stueck W.* Op. cit. P. 83.

⁴⁸ Memorandum of conversations by Noyes, June 25, 1950 // FRUS 1950. Vol. VII. P. 144–145.

⁴⁹ *Ovendale R.* Britain, the United States, and the Recognition of Communist China. // *The Historical Journal.* Vol. 26. No. 1 (March, 1983). P. 156–157.

Бевин развивал свои аргументы в письме к британскому постоянному представителю в ООН Г. Джеббу. В нем он признавал: «Я считаю, что отношение к Китаю таково, что оно заставляет Китай без надобности ненавидеть иностранцев. Мы тем самым платим большую цену». Касаясь перспектив вступления КНР в войну на Корейском полуострове, он писал: «Я иногда думаю, что если бы неприятие со стороны Америки к Китаю не было столь сильным, можно было бы удержать Китай от этого шага. Если бы мы добились этого и сосредоточились на Корее и России, я думаю, мы бы были в лучшем положении, чтобы решать вопрос о Китае»⁵⁰. Бевин даже допускал возможность разногласий между Лондоном и Вашингтоном по вопросам представительства Китая и Тайваню и высказывал надежду на то, что американцев можно будет убедить занять по ним более объективную позицию.

Однако администрация Трумэна оставалась непримиримой в отношении Китая. И это, вне всякого сомнения, сыграло свою роль в последующем согласии Мао Цзедуну на отправку добровольцев в помощь режиму Ким Ир Сена в Корею. А пока и Москва, и Вашингтон готовились к очередной, пятой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, которая должна была открыться в сентябре в Нью-Йорке. Администрация США вынашивала планы разработки мер против тактики Москвы, направленной на срыв деятельности Совета Безопасности и превращение его в бесполезный рупор пропаганды. Для этого Вашингтон собирался выдвинуть для обсуждения на сессии резолюцию, которая расширяла полномочия Генеральной Ассамблеи в области укрепления мира и безопасности.

Текст предлагаемой резолюции содержал два ключевых пункта: надевание Генеральной Ассамблеи правом незамедлительно заняться обсуждением любого вопроса, по поводу которого не удалось достичь решения в Совете Безопасности вследствие применения одним из постоянных членов права вето, и возможность созыва, с этой целью, чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи в течение двадцати четырех часов по требованию большинства из семи членов Совета Безопасности или большинства членов международной организации. Это американское предложение было логическим завершением усилий Вашингтона, направленных на так называемую либерализацию права вето, то есть ограничение возможности его применения. И госсекретарь США Ачесон надеялся на хорошие шансы одобрения резолюции Вашингтона большинством членов ООН⁵¹.

⁵⁰ Bevin to Jebb, personal, August 24, 1950 // Churchill Archives Center (Cambridge, U.K.). Papers of Gladwyn Jebb. GLAD 1/4/2.

⁵¹ Acheson to the embassy in the United Kingdom, August 23, 1950 // FRUS 1950. Vol. II. P. 322.

Тогда как союзники США встретили новую инициативу с настороженностью, Москва продемонстрировала неожиданную готовность к компромиссу. Политбюро не согласилось с предложением А.Я. Вышинского, возглавлявшего советскую делегацию на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, отвергнуть резолюции США целиком и полностью, не предлагая ничего взамен. «Такая только негативная позиция является неправильной, — гласили инструкции, направленные главе делегации СССР из Москвы, — тем более, что против отдельных положений проекта Ачесона не следует возражать». Вместо этого, советское руководство предлагало согласиться с некоторыми пунктами американской резолюции и внести собственные поправки⁵². Например, советская делегация должна была согласиться с положением о созыве чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи, но при условии, что она созывается по требованию большинства членов ООН, а не семи членов Совета Безопасности. Кремль не возражал и против ряда других положений, такого, например, как создание комитетов по соблюдению мира. В то же время, создание вооруженных контингентов членами организации вызвало решительный протест. Последний случай рассматривался Москвой как покушение на исключительные prerogatives Совета Безопасности.

Вообще, на начальном этапе работы сессии Генеральной Ассамблеи ООН Москва демонстрировала редкую готовность к компромиссам и договоренностям. Американские наблюдатели отмечали, что делегации СССР и его союзников проявляли сдержанность, и среди участников сессии были такие, которые полагали, что «на повестке дня изменение тактики и даже, возможно, стратегии, если и не базовых целей» советского блока⁵³. Представители других стран отмечали тот факт, что выступление Вышинского в общих прениях, хотя и содержало некоторые нападки на США, обходило молчанием прежнее требование о выводе американских войск из Кореи как предварительного условия урегулирования конфликта. Там не было открытой критики Трумэна или Ачесона, и сам тон речи выгодно отличался от «воинственной и агрессивной позиции западного блока»⁵⁴.

⁵² Громыко — Вышинскому, приложение к решению Политбюро протокол № 78/16, 25 сентября 1950 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 44. Л. 141–144.

⁵³ Harry Howard, United Nations Adviser, to George McGhee, Assistant Secretary of State for Near Eastern, South Asian and African Affairs, March 20, 1951, with the attached “Review of the Fifth Session of the General Assembly with Special Reference to the Near East, South Asia and Africa 1950—1951” // USNA. RG 59. Lot file 82D211. Box 14. Folder “SD/A/202–219”.

⁵⁴ Поверенный в делах СССР в Канаде М. Дегтярь «О встрече с министром иностранных дел, главой делегации Пакистана на V сессии Генеральной Ассамблеи ООН Магомет Зафруллаг Ханом», 29 октября 1950 г. // АВПРФ. Ф. 07. Оп. 23-б. П. 65. Д. 44. Л. 6.

Подобное «миролюбие», возможно, было связано с тем, что ситуация в войне в Корее к началу работы сессии Генеральной Ассамблеи резко изменилась не в пользу северокорейских сил. К середине сентября западной коалиции удалось не только остановить продвижение Корейской Народной армии (КНА) к югу полуострова, но и перейти в контрнаступление. К концу месяца войска ООН под командованием американского генерала Д. Макартура во взаимодействии с вооруженными силами Южной Кореи освободили весь юг Кореи, и достигли 38-й параллели. С одобрения Вашингтона, 1 октября южнокорейские соединения пересекли границу, разделяющую Север и Юг Кореи и продолжили наступление в северной части полуострова. 9 октября к ним присоединились остальные войска западной коалиции. К середине октября сопротивление КНА было практически сломлено. Существование северокорейского режима повисло на волоске. Сталин направил Ким Ир Сену приказ об эвакуации на территорию СССР, пытаясь в то же время убедить Мао Цзедуну прийти на помощь Пхеньяну⁵⁵.

После долгих колебаний руководство КНР приняло решение направить в Корею под видом «добровольцев» регулярные части Народно-освободительной армии Китая. Фактическое вступление Китая в войну в Корее спасло положение северокорейского союзника СССР и привело к перелому в ходе войны. В конце ноября китайские добровольцы атаковали войска западных союзников силами двадцати шести дивизий. 6 декабря они освободили Пхеньян и скоро очистили от войск ООН всю северную часть полуострова. Развивая наступление на юге, 4 января 1951 г. они захватили Сеул. Ситуация для западной коалиции стала столь катастрофической, что Объединенный комитет начальников штабов США принял решение об эвакуации, «как только станет ясно, что китайские коммунисты намерены полностью вытеснить войска ООН из Кореи»⁵⁶.

По мере успехов союзников СССР в Корейской войне росла и ответственность советских представителей в ООН. Главным объектом атаки Москвы стал, в частности, генеральный секретарь организации Трюгве Ли. Для этого был выбран момент, когда на сессии Генеральной Ассамблеи обсуждался вопрос о преемнике Ли в связи с истечением пятилетнего срока его полномочий.

Поддержка со стороны Ли позиции Запада в конфликте в Корее привела к изменению прежде благожелательного отношения Кремля к его кандидатуре. Еще 1 октября 1949 г., как сообщает сам Ли в своих мемуарах, во время ужина в советской миссии в Нью-Йорке А.Я. Вышинский затро-

⁵⁵ Торкунов А.В. Указ. соч. С. 96–97, 114–117.

⁵⁶ Friedman N. The Fifty-Year War: Conflict and Strategy in the Cold War. Annapolis, 2000. P. 165–166.

нул тему предстоящих в следующем году выборов генерального секретаря ООН и высказался в поддержку Ли «как единственного кандидата, которого, по его представлению, СССР может поддержать»⁵⁷. С того момента Ли получал и другие свидетельства из СССР в пользу его кандидатуры, в том числе и вторичное заверение Вышинского, данное Ли во время его визита в Москву в мае 1950 г.⁵⁸

Незадолго до этого визита А.А. Соболев, возглавлявший в то время Отдел США в министерстве иностранных дел СССР, а прежде являвшийся помощником генерального секретаря ООН, направил Вышинскому свои рекомендации по вопросу выборов главы Секретариата международной организации на предстоящей пятой сессии Генеральной Ассамблеи. По его мнению, «наиболее целесообразным решением» было бы переизбрание на этом посту Трюгве Ли на новый пятилетний срок. Соболев считал, что не существует другой кандидатуры, которая была столь же приемлемой для СССР. Он обращал внимание на то, что Ли занимал позиции в целом дружественные Советскому Союзу по таким вопросам, как кризис в Иране, одновременное принятие в члены ООН всех государств, изъявивших к тому желание, и по проблеме представительства Китая⁵⁹. По распоряжению Вышинского, Соболев вместе с главой Отдела международных организаций МИДа А.А. Рошиным подготовили обзор деятельности Трюгве Ли на посту генерального секретаря ООН, в котором были отражены все действия Ли как за, так и против СССР. Вывод этого документа гласил, что, несмотря на колебания, нынешний генеральный секретарь занимал по ряду вопросов позиции в пользу Москвы.⁶⁰

Точка зрения западных руководителей на кандидатуру Трюгве Ли в этот же период в целом совпадала с оценкой Москвы. Они не считали Ли идеальной кандидатурой, но выражали намерение оказать ему поддержку, поскольку, как признавал глава миссии США в ООН У. Остин, Ли «является единственной кандидатурой, на которую согласятся русские»⁶¹. В проекте меморандума по данному вопросу, подготовленном в госдепартаменте США 18 апреля, говорилось, что Соединенные Штаты склоняются к поддержке переизбрания Трюгве Ли на новый пятилетний срок, поскольку, «как сейчас представляется, он является единственным кандидатом, который может получить одобрение всех постоянных членов (Совета Безопасности — *И.Г.*)

⁵⁷ *Lie T.* Op. cit. P. 367–368.

⁵⁸ *Barros J.* Op. cit. P. 256.

⁵⁹ А.А. Соболев — А.Я. Вышинскому, 15 апреля 1950 г. // АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 34. П. 229. Д. 41. Л. 30—31.

⁶⁰ А.А. Соболев и А.А. Рошин, «О Трюгве Ли (Некоторые данные)», 20 апреля 1950 г. // Там же. Л. 8–10.

⁶¹ Memorandum of conversation, Austin — Jean Chauvel and Francis Lacoste, June 13, 1950 // FRUS 1950. Vol. II. P. 99

и его руководство (Секретариатом ООН — *И.Г.*), несмотря на некоторые недостатки, в общем является удовлетворительным»⁶².

Ситуация для Трюгве Ли резко изменилась к худшему с началом войны в Корее. Как было отмечено выше, Ли резко критиковался в заявлении Громыко от 4 июля. Директива советской делегации на пятой сессии Генеральной Ассамблеи, одобренная Политбюро 10 сентября, содержала следующий пункт: «Возражать и голосовать против переизбрания Трюгве Ли на пост Генерального Секретаря ООН»⁶³. Соответственно, в ожидании директив из Москвы, Малик отказался обсуждать вопрос о новом генеральном секретаре ООН, когда сначала британский, а затем американский представители поднимали его накануне сессии Генеральной Ассамблеи, и ссылались на необходимость дождаться приезда в Нью-Йорк Вышинского⁶⁴.

К тому времени администрация США уже определилась со своей позицией в отношении выборов генерального секретаря ООН. В меморандуме, подготовленном по этому вопросу, госдепартамент признавал, что, принимая во внимание «острую критику» Москвой позиции Ли по Корее, согласие между постоянными членами Совета Безопасности о сохранении за ним поста «представляется маловероятным». В связи с этим госдепартамент предлагал перенести обсуждение этой проблемы в Генеральную Ассамблею, которая должна одобрить переизбрание Ли на новый срок⁶⁵. США планировали оставить Ли в качестве генерального секретаря ООН еще на один пятилетний период.

Однако американские союзники из числа западных стран предлагали более короткие сроки, тогда как националистический Китай вообще возражал против кандидатуры Ли, ссылаясь на его позицию по вопросу представительства КНР и, в лучшем случае, соглашался на один год. Кроме того, среди союзников США не было единства в отношении законности передачи вопроса об избрании генерального секретаря ООН в ведение Генеральной Ассамблеи. Французские представители, например, информировали Вашингтон, что они готовы проголосовать за любого кандидата, набравшего семь голосов членов Совета Безопасности⁶⁶. Принимая во внимание активные маневры советской стороны в Совете Безопасности,

⁶² Draft Position Paper prepared in the Bureau of United Nations Affairs, April 18, 1950 // *Ibid.* P. 88.

⁶³ А.Я. Вышинский — Сталину, 23 августа 1950 г., с приложением проекта директив. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 211. Л. 59.

⁶⁴ Austin to the Secretary of State, September 12, 1950 // FRUS 1950. Vol. II. P. 123; Barros J. *Op. cit.* P. 261–262.

⁶⁵ Position Paper, “Appointment of the Secretary-General,” August 31, 1950 // FRUS 1950. Vol. II. P. 112–113.

⁶⁶ Secretary of State to the U.S. Embassy in France, October 23, 1950 // *Ibid.* P. 157.

в ходе которых Малик выдвинул в числе кандидатур на замещение должности генерального секретаря ООН представителей Мексики — Падилья Нерво, Индии — Бенегала Рао и Ливана — Чарльза Малика, такая позиция Парижа могла поставить под угрозу намерения США добиться переизбрания Ли⁶⁷.

В Вашингтоне же были преисполнены решимости «не дать возможности Советскому Союзу использовать свое вето, чтобы наказать г-на Ли за его позицию по Корее»⁶⁸. США использовали все имеющиеся у них средства давления, чтобы добиться одобрения своей точки зрения. Французам было велено «сомкнуть ружья и поддержать Ли»; Падилья Нерво и другим представителям латиноамериканских стран дали знать, что ни один кандидат от Латинской Америки не получит поддержки США и что, если они продолжают играть на руку СССР, «они поставят себя в неудобное положение, голосуя против американского вето». Ливанский представитель Малик был информирован, что США не выступают против него лично, против Ливана или против арабских стран, а «настроены на отстаивание высоких принципов и моральных аспектов» обсуждаемого вопроса⁶⁹.

Результатом такого давления, а также советского неприятия кандидатуры Ли стало то, что Совет Безопасности не смог прийти к соглашению по вопросу о новом генеральном секретаре ООН, о чем и информировал Генеральную Ассамблею в письме от 30 октября 1950 г. Ассамблея рассмотрела проект резолюции, предложенный США, Великобританией и рядом других стран, который предусматривал продлить срок пребывания Ли на посту генерального секретаря еще на три года⁷⁰.

СССР резко протестовал как в Совете Безопасности, так и на Генеральной Ассамблее против подобного решения. Советские представители имели однозначные инструкции Кремля любыми средствами предотвратить переизбрание Ли или продление его срока. Политбюро даже дало разрешение поддержать любого кандидата, только бы избавиться от Ли⁷¹. Когда стало ясно, что Ли все же останется на посту, благодаря американским усилиям, Москва направила в Нью-Йорк Вышинскому телеграмму с текстом жесткого выступления против решения ООН. Глава советской делегации должен был заявить, что Ли не может занимать пост генерального секретаря ООН, поскольку он не является объективным и беспристраст-

⁶⁷ *Barros J.* Op. cit. P. 270.

⁶⁸ Minutes of Meeting on President Truman's Train, New York, October 24, 1950 // FRUS 1950. Vol. II. P. 159.

⁶⁹ *Barros J.* Op. cit. P. 271; FRUS 1950. Vol. II. P. 159; Memorandum of conversation, John Ross — Charles Malik, October 25, 1950 // Ibid. P. 163–164.

⁷⁰ Yearbook of the United Nations 1950. N.Y., 1951. P. 125–126.

⁷¹ А. Громыко — А. Вышинскому, приложение к протоколу Политбюро № 78/245, 16 октября 1950 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 44. Л. 190.

ным лицом, способным проводить независимый курс и противостоять внешним влияниям. С точки зрения Кремля, Ли был бы хорош на посту какой-нибудь частной фирмы, но не соответствовал требованиям, предъявляемым к руководителю международной организации. Ли, считало Политбюро, превратился в «подголосок американской делегации, потеряв уважение и доверие многих государств-членов ООН», что подрывает авторитет этой организации. Вышинский должен был разоблачить нарушение Устава ООН Соединенными Штатами и в конце объявить, что если, несмотря на указанные причины, кандидатура Ли будет одобрена, «Советское Правительство... не будет с ним считаться и не будет его рассматривать в качестве генерального секретаря ООН»⁷². Вышинский выполнил полученные им директивы дословно на пленарном заседании сессии Генеральной Ассамблеи ООН 31 октября 1950 г.⁷³

Несмотря на советское предупреждение, Генеральная Ассамблея большинством в 45 голосов против 5 при 8 воздержавшихся одобрила продление пребывания Трюгве Ли на посту генерального секретаря ООН еще на три года. Столкновения по поводу переизбрания Ли, по словам американского исследователя Дж. Барроса, «с точностью отражают, какая пропасть образовалась к осени 1950 г. в отношениях между Востоком и Западом»⁷⁴. Не только Москва была настроена решительно против переизбрания Ли, но и американцы отвергали какое бы то ни было компромиссное решение этого острого вопроса к удовлетворению всех сторон.

Между тем, в ООН продолжались поиски путей урегулирования конфликта на Корейском полуострове. Несмотря на решительный настрой Вашингтона против каких-либо уступок СССР и его союзникам — Китаю и Северной Корее, — ряд стран предпринимали усилия в пользу прекращения огня в Корее и эти усилия были сосредоточены на делегации КНР, которая прибыла в Нью-Йорк из Пекина в конце ноября, чтобы принять участие в заседаниях Генеральной Ассамблеи, посвященных проблеме Тайваня.

Этот визит был согласован между Пекином и Москвой. Запрос о возможности поездки китайской делегации в Нью-Йорк был направлен Кремлем в Пекин 12 ноября 1950 г. В нем советское руководство ссылалось на письмо министра иностранных дел КНР Чжоу Эньлая в ООН от 17 октября, в котором выражалось подобное намерение. Москва запрашивала китайское правительство, остается ли подобное намерение в силе и, если да, то не стоит ли делегации СССР в ООН выступить с соответствующим предложением.

⁷² А. Громыко — А. Вышинскому, приложение к протоколу Политбюро № 78/366, 27 октября 1950 г. // Там же. Л. 209–211.

⁷³ General Assembly. Official Records. Fifth Session. 296th Plenary Meeting. P. 257–262.

⁷⁴ Barros J. Op. cit. P. 271.

ем⁷⁵. В итоге, делегация КНР прибыла в ООН, и 24 ноября глава делегации У Сюцюань встретился с Вышинским, чтобы получить «советы» от своих коллег из СССР. Он информировал советского министра, что собирается выступить на заседании Совета Безопасности по тайваньскому вопросу, а также о состоявшихся контактах с ним Трюгве Ли и индийского представителя Б. Рау. Вышинский обещал полную поддержку делегации во время ее пребывания в Нью-Йорке и одобрил намерение китайцев встретиться с югославским представителем А. Беблером. Кроме того, оба собеседника договорились о регулярных встречах в здании советской миссии при ООН.⁷⁶

На заседании Совета Безопасности 28 ноября, а также в ходе встреч с Трюгве Ли и представителями западных делегаций китайские посланники настаивали на выводе из Кореи всех иностранных войск и переговорах между самими корейскими сторонами конфликта как предварительных условиях решения корейского вопроса. Кроме того, они выдвигали требования возвращения Тайваня КНР и прием Китая в члены ООН⁷⁷. Вскоре стало ясно, что усилия по примирению между США и Китаем вряд ли будут результативными. США не шли ни на какой компромисс по Тайваню и приему Китая в международную организацию, тогда как китайская сторона в условиях успешного наступления ее войск в Корее решительным образом настаивала на своих требованиях. После бесплодных переговоров делегация КНР покинула Нью-Йорк и 19 декабря вернулась в Пекин. Перспективы окончания войны в Корее оставались по-прежнему призрачными.

Не вызывает сомнения, что итоги 1950 г. были мало утешительными для мирового сообщества. На Корейском полуострове бушевала война, грозившая перерасти в глобальное столкновение. Организация Объединенных Наций, которая должна была сыграть роль инструмента в урегулировании взрывоопасной ситуации, оказалась сама втянутой в конфликт на стороне одной из противостоящих сил. Тем самым возможности многосторонней дипломатии были значительно сужены. Однако ее потенциал все же не был исчерпан, поскольку ООН, даже в условиях непримиримой конфронтации между двумя блоками ее членов, выразившейся, в частности, в отсутствии согласия по кандидатуре генерального секретаря, оставалась чуть ли не единственным форумом ведения диалога между оппонентами в холодной войне. В результате сохранялись возможности для компромиссов и последующих соглашений, что и было гарантией против фатального развития событий на международной арене.

⁷⁵ А. Громыко — совпслу в Пекине, приложение к протоколу Политбюро № 78/502, 12 ноября 1950 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 44. Л. 231.

⁷⁶ Запись беседы между Вышинским и У Сюцюанем, 24 ноября 1950 г. // АВП РФ. Ф. 07. Оп. 23-б. П. 65. Д. 44. Л. 22–24.

⁷⁷ UN Yearbook 1950. P. 243.